

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Фарафонова О.А. Заглавия русских мемуаров XVIII - начала XIX в. как метатекстовый элемент повествования // Филология: научные исследования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.70225 EDN: MJUQU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70225

Заглавия русских мемуаров XVIII - начала XIX в. как метатекстовый элемент повествования

Фарафонова Оксана Анатольевна

ORCID: 0000-0003-4205-6793

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе; Новосибирский государственный педагогический университет

630126, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28, корпус 3, ауд. 308

✉ oxana.faroks@yandex.ru

[Статья из рубрики "Автор и его позиция"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.3.70225

EDN:

MJUQU

Дата направления статьи в редакцию:

25-03-2024

Аннотация: Предметом представленного в статье системного исследования является метатекстовая функция заглавий русских мемуаров XVIII – начала XIX вв. Объектом исследования выступают все известные и опубликованные тексты русских мемуаров указанного исторического периода. Автор подробно анализирует в указанном аспекте мемуары В. В. Головина, И. О. Острожского-Лохвицкого, И. Г. Андреева, Я. П. Шаховского, И. И. Неплюева, И. В. Лопухина, М. В. Данилова, Т. П. Калашникова, Г. И. Добрынина, П. С. Батурина и др. авторов. Особое внимание уделяется анализу мемуарного заглавия как результата авторской рефлексии и адресованного читателю авторского знака, отражающего тенденцию к индивидуализации повествования о себе и стремление авторов-мемуаристов к целостному осмыслению и литературной оформленности текста воспоминаний. Методология исследования базируется на принципах компаративистики и сравнительно-исторического анализа. Корпус исследуемых мемуаров помещается в общекультурный контекст эпохи, что позволяет

говорить о принципах формирования и развития русской мемуаристики в XVIII в. Мемуарные заглавия отражают на какую эстетическую и ценностную парадигму был ориентирован мемуарист. Новизна исследования заключается в том, что мемуарное заглавие впервые рассматривается как основной элемент метатекстового ансамбля «заглавие – предисловие – эпиграф – послесловие». Обязательно присутствующая в мемуарном заглавии жанровая номинация (записки, летопись, повесть, житие, жизнь) понимается как ориентированный на потенциального читателя знак культурно-литературной самоидентификации мемуариста. В статье обозначаются следующие тенденции: ориентация на древнерусскую культурную и жанровую традицию, влияние просветительно-классицистической парадигмы и установки, продиктованные влиянием сентиментализма и жанра романа. Системный анализ более пятидесяти произведений русской мемуаристики позволяет сделать вывод об определяющей роли жанровой номинации в составе мемуарного заглавия для выбора автором модели повествования, ракурса изображения событий и характеров, лейтмотивов и принципов организации сюжета. Составление и анализ репертуара заглавий мемуарных произведений XVIII – начала XIX вв. позволяют сделать вывод о принципах формирования и развития русской мемуаристики в целом.

Ключевые слова:

мемуары, заглавие, метатекст, древнерусская культурная традиция, просветительская парадигма, классицизм, сентиментализм, роман, жанровая номинация, авторский знак

Мемуарное заглавие не только называет текст и указывает на его принадлежность конкретному автору, но и является ориентированным на потенциального читателя знаком авторской рефлексии. Смысл мемуарного заглавия часто поддерживается, усиливается или проясняется предисловием и (или) эпиграфом. В тех случаях, когда мемуарное предисловие отсутствует, именно заглавие принимает на себя основную метатекстовую функцию.

В XVIII в. в русской культуре активно развивается жанр мемуаров, написание которых к концу столетия стало неотъемлемой частью жизни дворянина [\[1, 2\]](#).

Большинство русских мемуаров второй половины XVIII в. имеют оригинальное авторское заглавие. Отсутствие заглавия обусловлено, как правило, временем создания, формой мемуарных записей и целями мемуариста. Так, не имеют авторского заглавия автобиографические записки Г. П. Чернышева (начало 1740-х) и В. А. Нащокина (1759–1760) в форме подневных записей, или автобиография С. Р. Воронцова (1796–1797), содержащаяся в письме к графу Ф. В. Растопчину.

В большинстве случаев мемуарные заглавия XVIII века развернуты и информативны. Как правило, они состоят из нескольких элементов: указание на жанровую доминанту (записки, повесть, летопись и т.п.), информация об авторе, краткие сведения содержательного характера. Жанровая номинация (записки, жизнь, описание, жития, повесть, летопись), являющаяся обязательным элементом мемуарного заглавия, указывает на значимые для автора «претексты», задает необходимый мемуаристу ракурс восприятия его воспоминаний. Выполняя функцию знака культурно-литературной самоидентификации мемуариста, жанровая номинация, входящая в состав заглавия, одновременно определяют его точку зрения относительно выбора модели повествования, ракурса изображения событий и характеров, лейтмотивов и принципов

организации сюжета. Репертуар мемуарных заглавий второй половины XVIII в. разнообразен и отражает сознательную ориентацию авторов на определенные культурно-эстетические тенденции XVIII в.

В большей части заглавий русских мемуарных текстов встречается номинация «записки». Она становится своего рода опознавательным знаком мемуарного повествования, что особенно проявляется уже в XIX веке, когда все мемуарные тексты предшествующего столетия обозначаются в издающих их журналах («Русский архив», «Русская старина» и др.) именно как «записки». Но зарождение тенденции можно наблюдать уже в издательской практике конца XVIII в., когда, например, Н. М. Карамзин, публикуя в «Московском журнале» «Мемуары» К. Гольдони, называет их «Гольдониевыми записками», или Н. Облеухов озаглавливает как «Записки» переведенные им мемуары кардинала де Ретца.

Отметим, что при большом тематическом разнообразии «записками» в России второй половины XVIII в. назывались сочинения, претендующие на достоверность и имеющие целью «послужить на благо» современникам и будущим поколениям. Подобное понимание специфики записок сохранится и в изданиях русских мемуаров в XIX веке. Называя свои сочинения «записками» на протяжении всего столетия, мемуаристы акцентируют такие качества своих сочинений, как установка на достоверность, почти документальность повествования и объективность пишущего. При сопоставлении произведений заглавием «Записки», созданных в первой половине XVIII в., с текстами авторов более позднего периода обнаруживаются существенные различия в степени и способах проявления авторского «я».

Первые русские мемуары, озаглавленные как «записки», принадлежат современникам Петра I А. А. Матвееву, И. А. Желябужскому, С. Медведеву, Б. И. Куракину. В центре повествования стоят не сами авторы, а исторические события и личности. Мемуарист, обосновывая право писать подобные «записки», называет себя «самовидцем». Во второй половине XVIII в. установка на истинность и достоверность мемуарного повествования сохраняется, но на первый план выходит личность автора и его восприятие события, что сказывается, прежде всего, в изменении «формулы» заглавия. Традиционное сочетание жанровой номинации и имени автора с указанием в некоторых случаях объекта описания (личности или события) дополняется индивидуальными авторскими знаками (эпитетами, пояснениями, отражающими специфику авторской концепции и т.п.). Даже указание, что записки «своеручные» или «собственноручные», становится не только подтверждением достоверности записанного, но декларацией авторской воли и права на выражение собственного видения описываемых событий и понимания себя («Собственноручные записки императрицы Екатерины II»). Сохраняя на всем протяжении XVIII в. репутацию документальности, номинация «записки» во второй половине столетия все чаще связывается с индивидуализацией авторских намерений в изображении себя как частного человека.

Иные жанровые номинации встречаются в мемуарных заглавиях значительно реже «записок» и преимущественно в произведениях второй половины XVIII в. Такие заглавия обращают на себя внимание выраженной декларативностью авторских намерений, так как становятся прямым указанием на определенную традицию (культурную, литературную, жанровую), близкую и понятную мемуаристу.

В отличие от «записок», на протяжении всего XVIII в. сохранивших тематическое и функциональное разнообразие, номинация «жизнь» применялась либо для обозначения историко-биографического сочинения, либо в названиях оригинальных и переводных

романов. Сопряжение традиций русской агиографии и западноевропейских жизнеописаний в опытах русских мемуаристов является закономерным следствием процессов, происходящих в русской литературе XVIII в. в целом. В заглавиях русских мемуаров номинация «жизнь» или ее варианты может соединяться с номинациями «странствие» или «путешествие», отсылающими к традиции хождений (хожений) в древнерусской литературе и западноевропейским описаниям паломничеств эпохи средних веков и Возрождения. Чаще всего подобная контаминация встречается в автобиографических произведениях служителей церкви и провинциального дворянства. Отраженное в таких заглавиях понимание жизненного пути как странствия, полного испытаний, характерно для христианской традиции. В произведениях светских авторов-мемуаристов XVIII в. житийно-паломническая литературная традиция переосмысливается, индивидуализируется и становится своеобразной формулой, описывающей личную историю автора.

Репертуар мемуарных заглавий второй половины XVIII в. отразил и влияние древнерусской летописной традиции. Форма летописи на начальном этапе становления русской мемуаристики оказалась наиболее понятной авторам, летопись была органичным ориентиром для мемуаристов XVIII в. Авторы мемуаров первой половины XVIII в. (И. М. Грязново, В. А. Нащокин, Г. П. Чернышев, С. И. Мордвинов, Н. Ю. Трубецкой и др.) ориентируются на знакомую им летописную форму погодных записей. Такие тексты, как правило, доводятся мемуаристами от воспоминаний о детстве до момента составления записок, вбирая в себя материал не только прошлого, но и современной моменту написания действительности. В некоторых случаях летописно-хронологическое повествование буквально охватывает всю жизнь автора и доводится им до последних месяцев (В. А. Нащокин, С. И. Мордвинов) или даже дней (И. И. Неплюев) жизни. Однако собственно номинация «летопись» в мемуарных заглавиях появляется не часто и только во второй половине столетия. Летописные по своей форме и манере повествования мемуары чаще озаглавливались авторами как «записки» или «повести».

Читатель второй половины XVIII в. был знаком и с древнерусскими повестями и произведениями европейской литературы, известными в российских изданиях как «повести». Повестями назывались оригинальные и переводные произведения, имеющие авантюрно-любовную романную природу. Немало издавалось философских или нравоучительных повестей. Репертуар опубликованных во второй половине XVIII в. в различных русских типографиях оригинальных и переводных произведений, именуемых повестями, весьма обширен. Но по традиции повесть в издательской и читательской практике XVIII в. понималась, прежде всего, как историческое сочинение, повествование об исторических событиях, имеющее достоверную основу, что функционально сближает номинации «повесть» и «записки» в мемуарных заглавиях. «Повесть» (и эквивалент – номинация «повествование») в мемуарных заглавиях часто дополняется характеристикой «истинная» или иными указаниями автора, подтверждающими принадлежность текста и достоверность записанного.

Номинация «жизнь» в мемуарных заглавиях XVIII в. часто встречается в сочетании с «приключением» или «похождением». На основании переводческой и издательской практики второй половины XVIII в. можно сделать вывод, что номинации «похождение» и «приключение» в русской литературной культуре второй половины столетия мыслятся как возможные эквиваленты друг друга. Чаще всего указанные номинации встречаются в заглавиях романов или переводных мемуаров. Общепринятое в Западной Европе обозначение мемуарных произведений – «memoires» – в русских изданиях, наряду с вариантом «записки», часто переводится как «похождение».

Однако близкие по значению и часто в обиходе взаимозаменяемые «похождение» и «приключение» по-разному осмыслялись русскими мемуаристами. «Приключение» употреблялось в значении «случай», «неожиданное, но реальное происшествие». «Похождение» соотносилось в большей степени с жизнеописанием, содержащим в том или ином виде рассказ о путешествии, что связано с этимологией слова, означавшего «странствие», «путешествие» и в контексте русской культуры соотносившегося с жанром хождений.

В мемуарных текстах, озаглавленных как «похождение», описываемые странствия-путешествия носят, как правило, вынужденный характер, обусловленный службой героя-мемуариста в армии, его участием в войнах, и являются одним из центральных (если не основным) планом повествования.

Номинация «похождение» в заглавиях русских мемуаров второй половины XVIII – начала XIX в. встречается в несколько раз чаще, чем «приключение». По нашим наблюдениям, мемуарное заглавие, построенное именно по такой формуле, принадлежит только А. Т. Болотову [3]. В других случаях мемуарные заглавия либо более многословны, либо сочетание «жизнь и приключение» не занимает главенствующей позиции, а, следовательно, нельзя говорить, что это является отражением определенной авторской концепции.

Восходящая к древнерусскому слову «ключитися» (происходить) номинация «приключение» не ставила под сомнение достоверность повествования (даже романного), указывая на то, что описывается только то, что случилось, произошло на самом деле. «Приключение» в заглавии настраивало читателя на невымышленную историю. «Похождение» в большей степени ассоциировалось в XVIII в. с романом [4, 5]. А. Т. Болотов, например, именно как роман воспринимает мемуары П. З. Хомякова «Похождение некоторого россиянина, истинная повесть им самим написанная». Болотов включает текст Хомякова в критический обзор «Мысли и беспристрастные суждения о романах...» и оценивает его достоинства и недостатки именно в таком жанровом контексте [6].

Очень разные по целям, стилю, степени эстетической оформленности и авторской осознанности мемуары второй половины XVIII в. отражают основные тенденции русской культуры, что видно по мемуарным заглавиям, маркирующим близость авторской установки к той или иной культурной традиции. Специфика культурной ситуации в России XVIII в. заключается в сосуществовании и взаимодействии генетически различных культурных моделей – древнерусской, просветительно-классицистической, сентименталистской.

Ориентация на древнерусскую культурную и жанровую традицию прослеживается в мемуарах, озаглавленных авторами как «жизнь» («житие», «описание жития»), «летопись», «повесть». В редких случаях мемуарный текст, ориентированный на древнерусскую житийно-летописную повествовательную традицию, имеет заглавие «Записки». Как, например, «Записки бедной и суетной жизни человеческой» камер-юнкера Екатерины I В. В. Головина – первое мемуарное произведение с заглавием «Записки...», хронологически относящееся ко второй половине XVIII в. [7]. Мемуарист ничего не сообщает о том, по какой причине он взялся за составление своей автобиографии, у «Записок...» Головина нет предисловия. Однако мемуарное заглавие очень красноречиво, и выполняет по отношению к основному тексту его мемуаров функцию метатекста, декларируя авторское понимание жизни (своей, в частности, и

человеческой жизни вообще). Номинация «записки» указывает на то, что перед читателем собственно мемуарное повествование, но образно-философская часть заглавия подготавливает к восприятию всего сочинения в определенном ключе.

Обобщенно-философский характер заглавия мемуаров Головина, без имени автора, отличает их от подобных сочинений предшествующего периода. Номинация «записки», традиционно указывавшая на достоверность исторического повествования, впервые применяется к тексту о частной жизни человека. Судя по заглавию, самого себя и свою историю мемуарист осмысляет в контексте формулы жизни по Екклесиасту – «Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – все суета!» [Еккл. 1:2, 14]. Сходным образом жизнь человека характеризуется и в посланиях апостола Петра [Петра 1 : 18] и других библейских текстах [Пс. 38:7], где сама по себе жизнь отдельного человека не столь важна, есть нечто большее и значительное. Заглавие, данное Головиным своим запискам, явно неслучайно и отражает результат авторских размышлений, задавая определенное направление читательскому восприятию всего сочинения.

Общая стилистика сочинения Головина подтверждает, что он осмыслял и описывал себя в религиозно-философских категориях древнерусской культуры. Автор называет себя «многогрешным и окаянным, бедным человеком» [7, с. 56]. Сюжет мемуаров выстраивается как описание его «бедной», т.е. несчастной, жизни и всевозможных злоключений, пережитых Головиным, когда он был отправлен, как и другие молодые дворяне, в Европу для постижения наук. Мемуарист ничего не сообщает о своем пребывании за границей, кроме сухих фактов: когда уехал, где был, когда и каким путем вернулся. Примечательно на этом фоне довольно подробное описание отъезда, осмысляемого автором как вынужденное и принудительное расставание с родиной, когда «и я грешник в первое мое несчастье определен» [7, с. 45].

Отъезд «за море в Голландию» предстает в мемуарах Головина началом всех бедствий, а его последствия для своей жизни мемуарист описывает как носитель древнерусского сознания. Отъезд (уход) из дома осознается им если не абсолютной катастрофой, то несчастьем, повлекшим за собой бесконечную череду бед и злоключений: смерть брата, собственная болезнь, потеря всего своего «бедного скарбишки», то ли затонувшего вместе с кораблем, то ли присвоенного «товарищами» по учебе за границей, царская опала из-за дела Монса и т.п. Интересно, что самый страшный эпизод своей биографии – двухлетний арест и пытки в застенках Бирона – Головин не упоминает, заканчивая повествование на описании погребения первой жены в 1733 г. Было ли это осознанным решением мемуариста, не желающего вспоминать пережитые ужасы, или, берясь за мемуары уже во время правления Елизаветы Петровны, Головин, возможно, хранит тайну, ему не принадлежащую, неясно. Но то, что эти события определенным образом повлияли на общую концепцию мемуаров не вызывает сомнения. Заглавие «Записок...» Головина, отражая авторскую рефлексию, задает основанный на древнерусской культурной традиции ракурс прочтения его сочинения, построенного как кумуляция событий «бедной жизни». Ю. М. Лотман, ссылаясь на «Родословную Головиных», составленную П. Казанским, приводит образ жизни Головина после всех описанных в его мемуарах злоключений в качестве примера до абсурда доходящей театрализации бытового поведения дворянина-помещика, называя «каждодневный быт» в поместье Головина «смесью ярмарочного балагана, народных заклинаний и заговоров и христианского обряда» [8, с. 547]. Исследователь приходит к выводу, что игровая театральность, которой окружил себя Головин, носила совершенно осознанный и преднамеренный характер. Согласившись с выводами ученого, добавим, что создав своеобразные, ежедневно повторяющиеся, ритуалы, Головин словно пытается уверить

самого себя и всех окружающих в том, что «бедная и суетная жизнь» может зависеть от воли «бедного и грешного» человека.

Весьма примечательное заглавие мемуаров помещика Курской губернии И. О. Острожского-Лохвицкого – «Описание жития, дел, бедствий и разных приключений, то есть Годепорик или странствие в жизни сей» (1770-е гг.) – обратило на себя внимание издателя «Киевской старины» Ф. Г. Лебединского при первой, и до сих пор единственной, публикации воспоминаний: «Записки имеют свое особое, многословное заглавие, указывающее на автобиографический их характер. Под этим заглавием мы и предлагаем их текст, отказываясь объяснить, как сфабриковано и что буквально означает данное им автором однословное название: *Годепорик* (курсив издателя)» [\[9, с. 355\]](#).

Лебединский адаптирует заглавие мемуаров Острожского, назвав публикацию «Записки Ново-Оскольского дворянина И. О. Острожского-Лохвицкого». Оригинальное авторское заглавие, как видно из приведенного комментария, публике сообщается, но отказ от пояснения превращает его во что-то вторичное по отношению к самому тексту. В монографии «Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.» Тартаковского заглавие текста Острожского также не комментируется, более того, его полный вариант в ключевом историко-типологическом исследовании русских мемуаров Тартаковским не указывается, исследователь ограничивается первой частью «многословного заглавия», т.е. «Описание жития, дел, бедствий и разных приключений...» [\[10, с. 51, 250\]](#). Аналогично поступает и В. В. Муравьева в диссертации посвященной агиографическим традициям в русской мемуаристике XVIII в. [\[11\]](#).

Странное слово «годепорик», сочетаемое в заглавии Острожского-Лохвицкого с «житием» и «странствием», является искажением греческого названия жанра путевых заметок «hodoeporicon» (буквально, «маршрут», «путь»), появившегося во времена первых христианских паломничеств. И если в древнерусской традиции подобная жанровая номинация не встречается, то в европейской литературе Средних веков и раннего Возрождения примеров таких текстов достаточно. Hodoeporicon традиционно относился к паломнической литературе и представлял собой своеобразный отчет о странствии. Одними из первых известных произведений в этом роде является «Годозпорикон» («Ходозпорикон») святого Виллибальда, повествующий о его паломничестве в Рим в 720–723 гг., и его же заметки о паломническом путешествии в Святую землю (723–727 гг.) и Константинополь (727–729 гг.). Выскажем предположение, что первые издатели мемуаров Острожского-Лохвицкого не смогли идентифицировать и интерпретировать заглавие, потому что такое обозначение паломнических странствий в русской литературной традиции не было «на слуху». Древнерусская литература знает жанр хождений (хождений), новая русская литературная культура XVIII в. осваивает жанровую номинацию «путешествие».

Одной из характерных особенностей жанра hodoeporicon является скрупулезное перечисление путешественником всех географических пунктов. Начав писать записки в двадцать с небольшим лет, Острожский-Лохвицкий тщательно ведет описание своего «странствия в жизни сей» почти полвека, вплоть до своей смерти в 1825 г. Было ли заглавие мемуаров составным с самого начала, или же вторая часть появилась позже, установить не представляется возможным. Однако очевидно, что именно вторая часть заглавия более концептуальна, нежели первая. Первая – перечислительная – имеет отношение к житийно-анналистической традиции автобиографических текстов. Вторая – обобщающая – отражает авторское осмысление собственной жизни в целом как

странствия, сопряженного с постоянными трудностями и страданиями. Благодаря развернутой во второй части заглавия метафоре жизни как пути «монотонно-неторопливый летописный рассказ» о происхождении рода и погодные автобиографические записи воспринимаются как законченное повествование.

Очевидную ориентированность на древнерусскую литературную традицию демонстрирует заглавие мемуаров военного инженера-топографа И. Г. Андреева «Домовая летопись Андреева по роду их, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 году. Начата в Семипалатинске» [\[12\]](#). Текст «Домовой летописи...», основанный на дневниковых записях автора, расположенных в хронологическом порядке, является одним из самых безыскусных мемуарных сочинений второй половины XVIII в. Хроникально организованное повествование Андреева в конце XVIII – начале XIX в. выглядит архаичным и тяжеловесным на фоне бурно развивающейся русской прозы, но подтверждает то значительное влияние, которое оказала летописная традиция на формирование жанра мемуаров в русской литературе.

Выступая в роли летописца, чье авторское «я», в отличие от текста Острожского, максимально «размыто», Андреев в начале своих мемуаров, вспоминая события детства, пишет то в 3-м, то в 1-м лице. Затем, перейдя к рассказу о годах службы, окончательно переходит на повествование от 1-го лица, вписывает события собственной жизни в историю рода, а ее, в свою очередь, постоянно стремится соотнести с историей государства. Удаленность от столицы, подчеркнутое в заглавии пребывание «на задворках» империи является одним из ключевых факторов, определивших структуру незатейливого повествования «Домовой летописи...». Провинциальный дворянин Андреев стремится показать, что и он сам, и его предки тесно связаны с общей государственной историей. Повествование он начинает с исторически значимого события – покорения Сибири Ермаком, как бы отмечая первую точку пересечения истории государства и истории рода Андреевых. Заданная в заглавии Андреева летописная модель повествования сказывается в сюжетной организации его текста, представляющей собой кумуляцию событий и фактов, перемежающихся дополнительными и, видимо, крайне важными, с точки зрения автора, подробностями. События не различаются по значимости, буквально цепляются дуг за друга в неизбирательной логике воспоминаний мемуариста.

Однако определенная работа Андреева над своим текстом на уровне композиции очевидна: «Домовая летопись...» разделена на две неравные части – в первой мемуарист повествует о «посторонних происхождениях фамилии нашей», во второй – описывает «жизнь свою беспристрастным образом», привнося в летописное повествование оттенок исповедальности. Задача первой части «Домовой летописи...» состояла в том, чтобы убедить потенциального читателя в достоинстве и государственной значимости рода дворян Андреевых. Вторая часть должна была, по словам самого мемуариста, представить «все содеянные мною пороки в молодых моих летах и во времени обращения моего в добрых делах, изъясняя, дать пример потомкам моим» [\[12, с. 74\]](#).

Задавая определенный ракурс восприятия мира и человека, ключевая для русской культуры XVIII в. просветительно-классицистическая парадигма ставила на первое место исполнение долга гражданина и «полезного сына отечества», определяла службу государству как смысл жизни личности. Сама государственная служба стала фактором, определяющим дворянское сознание XVIII в. В мемуарах второй половины XVIII в. история жизни мемуариста часто изображается как история его службы. Примерами

произведений такого рода могут служить «Записки князя Якова Петровича Шаховского, писанные им самим» (1760-е) и «Жизнь Ивана Ивановича Неплюева, им самим писанная» (1770–1773) [\[13, 14\]](#). В обоих текстах служба является центральным, организующим сюжет, мотивом и, по сути, эквивалентом жизни. Заглавия Шаховского и Неплюева, содержащие только жанровую номинацию, имя автора и подтверждение принадлежности текста именно ему, не выводят службу на первый план и не задают тем самым определенный ракурс восприятия. Но ни Шаховскому, ни Неплюеву, как людям, родившимся и воспитанным в петровскую эпоху, осознающим жизнь и службу как единое целое, подобные декларации не нужны. Служба для них является ключевым понятием системы ценностей и началом, определяющим саму жизнь.

Служба как маркер авторской позиции появляется в заглавиях более поздних по времени создания мемуаров дворян елизаветинской и екатерининской эпох. Так, в заглавиях «Записок М. В. Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году» (1771) и «Записок из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора И. В. Лопухина, составленные им самим» (1809) именно служба и чин автора выносятся на первый план. Выполняя метатекстовую функцию, заглавие в обоих случаях одновременно отделяет мемуарное произведение от любых других сочинений в этом роде, закрепляет авторское имя и статус и включает мемуариста в общий культурный и мировоззренческий контекст эпохи.

Заглавие «Записок...» Данилова [\[15\]](#), выводя на первый план имя и чин автора, полученный им по «челобитной» уже после выхода в отставку, и, акцентируя внимание на деле всей жизни мемуариста – «артиллерийской науке», фокусирует основные планы повествования.

Первый план повествования и его канва – история рода. После подробного и обстоятельного рассказа о происхождении рода Даниловых и предках мемуариста, Данилов сосредотачивается на истории собственной жизни, а лейтмотивом становится честная служба при Елизавете Петровне и Петре III. Второй план повествования связан с рассказом о перипетиях службы, где не имеющему выгодных связей офицеру приходится добиваться всего самому. Третий и, по сути, основной план повествования Данилова связан с его ролью в развитии артиллерийского дела в России – мемуарист был одним из первых русских фейерверкеров, изобретателем в области пиротехники, преподавателем артиллерии, автором учебника. Все три плана повествования Данилова последовательно раскрывают намеченные в заглавии аспекты и «сходятся» в финальном рассказе о получении мемуаристом майорского чина в 1765 году и отставке от службы уже в царствование Екатерины II.

Интенция заглавия «Записок...» Данилова (заслуженный чин) усиливается рассуждением о заслугах дворянина в начале мемуаров, подкрепленного цитированием фрагмента поэмы А. Поупа «Опыт о человеке»: «Когда ж твой будет род старинный, но бесславный, // Не добродетельный, бездельный и злонравный, // То хоть бы он еще потопа прежде жил, // Но лучше умолчать, что весь он подлый был, // И не внушать другим, что чрез толико время // Заслуг твое отнюдь не показало племя. // Кто сам безумец, подл и в лености живет, // Того не красит род, хотя бы Говард был дед» [\[15, с. 283\]](#). Свою жизнь Данилов описывает как совершенную противоположность образу «бесчестного» дворянина, созданного Поупом, акцентируя в заглавии и развивая на всем протяжении повествования мотивы честной службы и исполнения долга как смысла всего своего существования.

В заглавии «Записок из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора И. В. Лопухина» отражается уже иное отношение автора к службе [\[16\]](#). Мемуарное заглавие, с одной стороны, в соответствии с общекультурным контекстом выводит ее на первый план, обозначая и чин мемуариста, а, с другой стороны, фиксирует антиномию «жизни и службы» и декларирует избирательность автора и его право на описание только «некоторых обстоятельств». Мемуарное заглавие Лопухина отражает изменения, происходящие в русской культуре постепенно, начиная с 60-х годов XVIII в., после подписания указа о вольности дворянства. Жизнь и служба дворянина, нераздельно воспринимавшиеся в русской культуре с петровских времен, постепенно начинают осмысляться как разные сферы бытия – личная и государственная. Отметим, что в преимущественно классицистической литературе второй половины XVIII в. антиномия жизни и службы не прослеживается. Герой, как правило, цельная личность, не разграничивающая себя-гражданина и себя-человека.

Мемуарное повествование Лопухина совершенно сосредоточено на личности автора. Он не описывает историю своего рода, как это делает, например, Данилов, не воссоздает подробно «политический» контекст своей службы, как Шаховской, не фиксирует тщательно детали окружающей его бытовой реальности. История, «жизни и службы» в «Записках...» Лопухина это история именно его жизни и его службы. Мемуарист больше сосредоточен на изложении своего понимания того и другого, на размышлении о сущностных вещах (законность суда и адекватность наказания, назначаемого за преступление, вина и прощение и т.п.), чем на описании перипетий своего председательства в Московской уголовной палате или взаимоотношений с сослуживцами. Обозначенные в мемуарном заглавии Лопухина «жизнь и служба» в тексте «Записок...» определяют друг друга как внутреннее и внешнее. Декларируя в заглавии «Записок...» жизнь и службу как две стороны – внутреннюю (процессы самопознания и самосовершенствования) и внешнюю (факты) – своей биографии, Лопухин обращает внимание будущих читателей именно на то, что честное исполнение служебного долга основано на стремлении к идеалу в жизни, и «предполагает, что наиболее эффективно воздействуют на читателя примеры добродетельного поведения» [\[17, с. 168\]](#).

В конце XVIII в., в период становления и расцвета сентиментализма, при изменившемся понимании человека и способов его литературного изображения, мемуарные заглавия все чаще отражают тенденцию к индивидуализации повествования, обособлению своей истории от истории общественной. Порой заглавия в мемуаристике маркируют еще не проявившиеся в литературе культурные тенденции.

«Жизнь незнаменитого Тимофея Петровича Калашникова, простым слогом описанная с 1762 по 1794 год» (1794) является закономерным следствием отмеченных общекультурных и мировоззренческих перемен [\[18\]](#). Номинация «жизнь» указывает на знакомство сибирского мемуариста Т. П. Калашникова с европейской биографической литературой, жизнеописаниями великих людей. На этом культурном фоне заглавие мемуаров надворного советника, нерчинского, а затем иркутского чиновника казенной палаты, Т. П. Калашникова выглядит максимально индивидуализировано и декларативно. Автор не только характеризует собственную манеру письма, указывая, что пишет «простым слогом», но и превращает заглавие мемуаров провинциального чиновника в своего рода декларацию прав «маленького человека», используя в отношении себя эпитет «незнаменитого». Декларированная в заглавии «незнаменитость» мемуариста и его предков компенсируется в автобиографическом сочинении Калашникова соотношением собственной жизни с общеисторическим контекстом эпохи. Отмеченное

выше указание Калашникова на безыскусность повествования («простым слогом описанная») также является знаком авторской рефлексии и отражает общекультурные изменения, связанные с перестройкой всей мировоззренческой системы эпохи. Автор не столько снимает с себя «ответственность» за несовершенства стиля и т.п., сколько обращает внимание потенциального читателя на то, что перед ним «безыскусная» история обычного человека, достойная, тем не менее, быть записанной уже потому, что человек этот существовал на самом деле, честно служил, любил своих детей и пр.

В русле основных культурных тенденций конца XVIII столетия следует рассматривать и мемуары выходца из клерикальной среды И. Г. Добрынина [\[19\]](#). Начав писать в 35 лет, мемуарист заканчивает свое сочинение почти в восьмидесятилетнем возрасте в 1823 году. Его заглавие – «Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилеве и Витебске» – отражает общую для литературной культуры конца XVIII в. тенденцию к исповедальности.

Как отмечает в предисловии к публикации «Истинного повествования...» в «Русской старине» М. И. Семевский, Добрынин был «весьма близко знаком с современной ему переводной и оригинальной русской словесностью» и «усвоил себе все приемы даровитых писателей» [\[20, с. 119-120\]](#). Основания говорить о начитанности мемуариста Семевскому дают прямые отсылки к «Исповеди» Руссо и «Чистосердечному признанию в делах моих и помышлениях» Фонвизина в самом тексте «Истинного повествования...». В § XLIV второй части Добрынин пишет: «Славной, но больше того известно, Жан-Жак Руссо, в книге исповеди своей, показал свою откровенность, даже до таких своих действий, которые ни ему, ни читателям ни к чему не служат, кроме соблазна; а наш почтеннейший Фон-Визин, по-видимому из подражания Жан-Жаку, назвав одно из своих сочинений "исповедью", исповедывается, что он "сочинил оперу, и для прочтения оной представлен был к государыне императрице Екатерине II"; как будто это такой грех, который стоит больше исповеди, нежели фастовства. Для чего же и мне не подражать сим славным людям? Стану и я исповедываться, с тем только от них различием, что моя исповедь, действительно, во грехе, а не в празднословии соблазнительном Жан-Жак Руссо и не в фастовстве – Фон-Визина» [\[19, с. 302-303\]](#). Далее Добрынин подробно описывает обстоятельства, при которых он, губернский стряпчий, соблазнился взяткой, анализируя причины, побудившие его к этому.

Обозначенное в заглавии «истинное повествование» помещается автором в контекст исповедальных произведений в духе сентиментализма и одновременно противопоставляет индивидуально авторское понимание истинности и исповедальности уже сложившемуся в литературе «канону». Противопоставляя свое раскаяние в «настоящем» грехе надуманным, по его словам, исповедям Руссо и Фонвизина, мемуарист обозначает оппозицию исповеди литературной и исповеди как «истинного повествования» о содеянном.

Сомневаясь в искренности литературного «слога», Добрынин довольно часто иронично сопоставляет предполагаемое литературное описание чего-либо и то, как это предпочитает делать он сам. Так, например, он рассуждает о том, как нужно писать о смерти Екатерины II: «Несчастье, которое стихотворцы стали бы изъяснять: взошла мрачная туча и среди-дневной свет покрыла ночьюю темнотою. Страшные жерлы ея разродились в горизонте, произвели хладное и ужасное во всей империи наводнение. <...> Но все таковыя изъяснения были бы не что иное, как тень вместо тела, следовательно, нет тут нужды ни в бурях, ни в тучах, ни в молниях, ни в громах, а довольно сказать: умерла государыня императрица Екатерина II, в ноябре месяце 1796

года по тридцатичетырехлетнем царствовании» [\[19, с. 315–316\]](#).

Установка заглавия на «истинное повествование» подкрепляется авторским предисловием и развивается рассуждениями внутри текста. Литературная исповедь понимается мемуаристом как маска, скрывающая истинное лицо автора. Сравнение себя с Руссо и Фонвизиним и постоянная самоирония становятся для Добрынина своеобразным инструментом самопроверки.

В этом смысле интересно заглавие мемуаров «Жизнь и похождение Г. С. С. Б. Повесть справедливая, писанная им самим» (ок. 1800). Автор «интригует» читателя, зашифровывая в заглавии начальными буквами информацию о своем имени и статусе. Но, как отмечает в предисловии к первой публикации Б. Л. Модзалевский, «этот шифр легко поддался разбору при ознакомлении с самым содержанием повествования: *“Господин Статский Советник Батурина”* [курсив издателя]» [\[21, с. 45\]](#). Скрывая собственное имя и делая пометку о том, что «все собственные имена и прозвания должны быть назначены только одними начальными буквами» [\[22, с. 48\]](#), автор намекает на то, что все участники описываемых событий могут быть узнаны читателем. Соккрытие имени становится одновременно и знаком достоверности и приемом повествования. Установку на литературность, присущую заглавию Батурина, отметил уже Модзалевский: «Намеренное скрытие в заглавии своего имени, а также некоторая литературная или книжная изысканность этого самого заглавия <...> дают нам повод предположить, что автор, составляя свои правдивые воспоминания, преследовал не только мемуарную, чисто-историческую задачу, но имел в виду и цели литературные» [\[21, с. 48\]](#).

Полный текст записок Батурина, как свидетельствуют его первые издатели, не сохранился, но Модзалевский отмечает, что «повествование его, в последней своей части, было почти современно описываемым событиям и довело рассказ о них до самых последних лет жизни автора» [\[21, с. 47\]](#). Неизвестно, писал ли мемуарист предисловие к своему тексту, объяснял ли каким-то образом свои намерения, но заглавие его произведения весьма примечательно своей откровенной литературностью.

Проанализировав репертуар мемуарных заглавий второй половины XVIII – начала XIX в., мы обнаружили, что секуляризованная и европеизированная литературная культура XVIII в., частью которой, безусловно, является мемуаристика, не создает абсолютно новые повествовательные формы, а воспринимает их от предшествующих традиций – русской и европейской – и осваивает, трансформируя и контаминируя в соответствии с новым мировоззрением. Являясь частью общекультурного пространства эпохи, мемуаристика развивается по тем же самым принципам, реагируя на основные культурные тенденции, соединяя древнерусские и европейские традиции, что позволяет авторам найти наиболее адекватный именно их пониманию истории собственной жизни язык описания.

Библиография

1. Аурова Н. Н. Образ жизни русского дворянина XVIII в. (по материалам домашних библиотек) // Российская реальность конца XVI – первой половины XIX в.: Экономика. Общественный строй. Культура. М.: РАН Институт российской истории, 2007. С. 247–261.
2. Сертакова И. Н. Повседневная культура России XVIII века [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии: электрон. науч. изд. 2010. Вып. 2 (17). URL: <http://www>.

analiculturolog.ru/archive/item/215-article_27.html (27. 07. 2023).

3. Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанная им самим для своих потомков. В 3-х томах. М.: Институт русской цивилизации, 2013. Т. 1.
4. Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа. Т. I. Вып. 1 (XVIII век). СПб.: Тип. Т-ва Печ. и Изд. дела «Труд», 1909.
5. Веселова А. Ю. А. Т. Болотов и П. З. Хомяков. Роман или мемуары? // XVIII век. СПб.: Наука, 2002. Сб. 22. С. 19–199.
6. Болотов А. Т. Мысли беспристрастные суждения о романах как оригинальных, так и переведенных с иностранных языков Андрея Болотова // Литературное наследство. [XVIII век]. Т. 9/10. М.: Жур.-газ. Объединение, 1933. С. 194–221.
7. Головин В. В. Записки бедной и суетной жизни человеческой // Казанский П. Родословная Головиных, владельцев села Новоспасского, собранная Бакалавром М. Д. Академии Петром Казанским. М.: Тип. С. Селивановского, 1844. С. 44–57.
8. Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII – начало XIX века). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 537–573.
9. Острожский-Лохвицкий И. О. Описание жития, дел, бедствий и разных приключений, то есть Годепорик или странствие в жизни сей // Киевская старина. – 1886. – № 2 (Февраль). С. 350–369.
10. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – начала XIX в. От рукописи к книге. М.: Наука, 1991.
11. Муравьева В. В. Традиции русской агиографии в мемуаристике XVIII века: дисс. ... канд. филол. наук. М.: [б. и.], 2004.
12. Андреев И. Г. Домовая летопись дворян Андреевых по роду их, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 году. Начата в Семипалатинске // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1870. Кн. 4. Отд. 5. С. 63–176.
13. Шаховской Я. П. Записки Якова Петровича Шаховского, писанные им самим. Ч. I. М.: Тип. И. Глазунова, 1821.
14. Неплюев И. И. Записки. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1893.
15. Данилов М. В. Записки Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722–1762) // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е – 1760-е годы) / Сост., вступ. ст., коммент. Е. Анисимова. Л.: Худож. лит., 1991. С. 282–350.
16. Лопухин И. В. Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора И. В. Лопухина, составленные им самим. Репринтное воспроизведение. М.: Наука, 1990.
17. Драгайкина Т. А. Повествовательные стратегии «Записок...» И. В. Лопухина // Нарративные стратегии славянских литератур. Повествовательные формы средневековья и нового времени. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2009. С. 156–169.
18. Калашников Т. П. Жизнь незначительного Тимофея Петровича Калашникова, простым слогом описанная с 1762 по 1794 год // Русский архив. – 1904. Вып. 3. С. 147–183.
19. Добрынин Г. И. Истинное повествование или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилеве и в Витебске СПб.: Печатня В. И. Головина, 1872.
20. Семевский М. И. Записки Добрынина // Русская старина. 1871. Февраль. С. 119–121.

21. Модзалевский Б. Л. Записки П. С. Батурина (1780–1798) // Голос минувшего. 1913. № 1–3. С. 45–48.
22. Батурин П. С. Жизнь и похождение Г. С. С. Б. Повесть справедливая // Голос минувшего. 1913. № 1–3. С. 45–78.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Анализ заглавий как сильной позиции текста всегда конструктивен и важен для более точного понимания произведения. В заголовочном комплексе кодируется тема, манифестируется отчасти сюжет, идейная нагрузка. Представленная работа касается анализа заглавий русских мемуаров XVII – начала XIX веков. Автор достаточно удачно сопоставляет данный уровень с понятием метатекст. Стоит согласиться, что «мемуарное заглавие не только называет текст и указывает на его принадлежность конкретному автору, но и является ориентированным на потенциального читателя знаком авторской рефлексии. Смысл мемуарного заглавия часто поддерживается, усиливается или проясняется предисловием и (или) эпитафией. В тех случаях, когда мемуарное предисловие отсутствует, именно заглавие принимает на себя основную метатекстовую функцию». Исследователь нарочито обозначает, что «в большинстве случаев мемуарные заглавия XVIII века развернуты и информативны», «как правило, они состоят из нескольких элементов: указание на жанровую доминанту (записки, повесть, летопись и т.п.), информация об авторе, краткие сведения содержательного характера. Жанровая номинация (записки, жизнь, описание, жития, повесть, летопись), являющаяся обязательным элементом мемуарного заглавия, указывает на значимые для автора «претексты», задает необходимый мемуаристу ракурс восприятия его воспоминаний. Выполняя функцию знака культурно-литературной самоидентификации мемуариста, жанровая номинация, входящая в состав заглавия, одновременно определяют его точку зрения относительно выбора модели повествования, ракурса изображения событий и характеров, лейтмотивов и принципов организации сюжета». Примечательно, что функционал заглавий раскрывается по всей работе, это является обязательным компонентом научного сочинения. Статья грамотно выстроена, точка зрения автора объективна; на мой взгляд, в работе достаточно аргументов, иллюстративного материала. Стиль данного труда соотносится с собственно научным типом. Например, «первые русские мемуары, озаглавленные как «записки», принадлежат современникам Петра I А. А. Матвееву, И. А. Желябужскому, С. Медведеву, Б. И. Куракину. В центре повествования стоят не сами авторы, а исторические события и личности. Мемуарист, обосновывая право писать подобные «записки», называет себя «самовидцем». Во второй половине XVIII в. установка на истинность и достоверность мемуарного повествования сохраняется, но на первый план выходит личность автора и его восприятие события, что сказывается, прежде всего, в изменении «формулы заглавия», или «иные жанровые номинации встречаются в мемуарных заглавиях значительно реже «записок» и преимущественно в произведениях второй половины XVIII в. Такие заглавия обращают на себя внимание выраженной декларативностью авторских намерений, так как становятся прямым указанием на определенную традицию (культурную, литературную, жанровую), близкую и понятную мемуаристу» и т.д. Тема работы раскрывается последовательно, цель достигается полномерно; считаю, что поставленный ряд задач автор вполне удачно решен. Материал имеет как практический, так и теоретический характер; его можно продуктивно использовать в вузовской

практике. Примечательно для работы выверенность суждений: например, «форма летописи на начальном этапе становления русской мемуаристики оказалась наиболее понятной авторам, летопись была органичным ориентиром для мемуаристов XVIII в. Авторы мемуаров первой половины XVIII в. (И. М. Грязново, В. А. Нащокин, Г. П. Чернышев, С. И. Мордвинов, Н. Ю. Трубецкой и др.) ориентируются на знакомую им летописную форму погодных записей. Такие тексты, как правило, доводятся мемуаристами от воспоминаний о детстве до момента составления записок, вбирая в себя материал не только прошлого, но и современной моменту написания действительности» и т.д. Автор по ходу работы рассматривает и природу жанра, определяя его существенные приметы и черты (режим сопоставлений): «однако близкие по значению и часто в обиходе взаимозаменяемые «похождение» и «приключение» по-разному осмыслились русскими мемуаристами. «Приключение» употреблялось в значении «случай», «неожиданное, но реальное происшествие». «Похождение» соотносилось в большей степени с жизнеописанием, содержащим в том или ином виде рассказ о путешествии, что связано с этимологией слова, означавшего «странствие», «путешествие» и в контексте русской культуры соотносившегося с жанром хождений». Таким образом, методология рецензируемого труда крайне актуальна, современна, а главное – продуктивна. Не исключается, наоборот, акцентно разобрана роль автора в мемуарной литературе. Позиция относительно этого точна: «выступая в роли летописца, чье авторское «я», в отличие от текста Острожского, максимально «размыто», Андреев в начале своих мемуаров, вспоминая события детства, пишет то в 3-м, то в 1-м лице. Затем, перейдя к рассказу о годах службы, окончательно переходит на повествование от 1-го лица, вписывает события собственной жизни в историю рода, а ее, в свою очередь, постоянно стремится соотнести с историей государства. Удаленность от столицы, подчеркнутое в заглавии пребывание «на задворках» империи является одним из ключевых факторов, определивших структуру незатейливого повествования «Домовой летописи...» и т.д. Труд самостоятелен, оригинален, интересен; в работе объемно раскрыта сущность темы, определены правильные магистрали оценки мемуарных заглавий. Итого созвучен с основной частью: «проанализировав репертуар мемуарных заглавий второй половины XVIII – начала XIX в., мы обнаружили, что секуляризованная и европеизированная литературная культура XVIII в., частью которой, безусловно, является мемуаристика, не создает абсолютно новые повествовательные формы, а воспринимает их от предшествующих традиций – русской и европейской – и осваивает, трансформируя и контаминируя в соответствии с новым мировоззрением. Являясь частью общекультурного пространства эпохи, мемуаристика развивается по тем же самым принципам, реагируя на основные культурные тенденции...». Основные требования издания учены, список источников полновесен. Рекомендую статью «Заглавия русских мемуаров XVIII – начала XIX в. как метатекстовый элемент повествования» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».